

животных, добытых на охоте, и множество достоверных фактов такого рода дает объективное основание для дальнейшей их интерпретации в связи с источниками социогенеза и становления первобытного общества.

В самой обширной завершающей главе книги рассмотрены важнейшие памятники олдувая, ашеля, мустье и, наконец, верхнего палеолита (где в центре внимания автора общинные жилища с женскими статуэтками).

В целом в работе Л. А. Файнберга оригинально и успешно выполнен его основной замысел. С одной стороны, в ней убедительно показана положительная роль ряда биологических предпосылок в организации и групповом поведении обезьян, особенно антропоидов, для возникновения социальной организации формирующихся людей, облегчающая под воздействием охотничье-трудовой деятельности формирование норм коллективизма в производстве и потреблении, локально-групповой экзогамии при стабильном женском ядре группы и т. д. С другой стороны, констатируется постепенное уменьшение роли биологических предпосылок за счет растущей роли социальных факторов в становлении первобытного общества и его развитии до сложения в верхнем палеолите общинно-родового строя «единого в своих основных закономерностях, но многообразного в формах конкретного воплощения» (с. 129):

Насыщенность книги рабочими гипотезами и в итоге ее дискуссионность неизбежны при плодотворной разработке сложнейшей из проблем первобытной истории.

Рецензируемой книге можно предъявить немало претензий. Терминологическая нечеткость: в III главе мустье автор относит к среднему палеолиту, а в заключении включает в нижний палеолит (с. 129); среднему и позднему ашелю приписываются «первые следы религии» (с. 87), хотя речь идет, по нашему мнению, всего лишь о свидетельствах внеутилитарной деятельности ашельцев, не имеющих пока устойчивой интерпретации. Отдельные утверждения, по современным представлениям, недостоверны: ашельский возраст комплекса в Базау (с. 87), остатки мустьерского жилища в Ильской (с. 105). Нет обещанного автором (с. 10) сопоставления планировки древнейших жилищ с соответствующими данными этнографии.

Выделяя жилища палеолита как важнейший источник реконструкции социальной жизни ископаемых гоминид (с. 96—111), автор мог полнее использовать богатейший опыт советской школы палеолитоведения, которой собственно мировая наука обязана и первыми открытиями верхнепалеолитических и мустьерских комплексов жилых сооружений под открытым небом, и методикой их изучения и интерпретации, вообще признанием «палеосоциологического»³ направления в первобытной археологии. Судя по замыслу работы, читатель вправе был ожидать встретить в ней более широкий круг этнографических и антропологических материалов. Палеоневрологические исследования эндокранов ископаемых антропоидов и гоминид⁴ могли бы дать автору дополнительную аргументацию о развитии рассудочной деятельности как фактора регуляции внутригрупповых отношений, поскольку он солидарен с утверждением Л. В. Крушинского: «Ум не определяет образа жизни животных, но форма их общественных отношений определяется умом» (с. 23).

Последнее обстоятельство представляется существенным особенно для тех звеньев предпринятой Л. А. Файнбергом исторической реконструкции первоначального человеческого общества и его пролога, применительно к которым (при дефиците достоверной информации) доказательства наиболее затруднены. Между тем после трудов Ч. Дарвина, В. М. Бехтерева и ряда советских исследователей функции рассудочной деятельности животных удается проследить экспериментально во взаимосвязанном поведении группы человекообразных обезьян, совместно решающих сложную для них задачу⁵. Эти данные также говорят в пользу выдвигаемых автором утверждений, которые отчетливо отражают тенденцию к продуктивному взаимодействию в изучении истоков социогенеза, наметившуюся в археологии и истории первобытного общества, с одной стороны, а с другой — в биологических науках, в рамках которых изучаются ближайшие родственники человека.

Думается, рецензируемая книга отражает и определенный этап перехода в этой области познания от общих предположений и гипотез к конкретному анализу сходных или близких по значению элементов биологических и социальных структур в их связях и динамике на заре человечества (не теряя из виду принципиального качественного различия биологических и социальных феноменов). Как уже говорилось, дискуссионность выводов книги — одно из достоинств: она будит мысль, предрасполагает к продуктивному совместному размышлению ученых разных дисциплин в бурно развивающейся ныне области самопознания человечеством своих истоков.

Б. А. Фролов

³ Bordes F. Le Paléolithique dans le monde. P., 1968, p. 7.

⁴ Кочеткова В. И. Палеоневрология. М., 1973.

⁵ Фирсов Л. А. Поведение антропоидов в природных условиях. Л., 1977, с. 103, 116, 145.

Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. Отв. ред. академик Ким М. П. М.: Наука, 1981. 344 с.

В основу рецензируемой книги (редакционную коллегию составили Ю. В. Бромлей, Б. В. Андрианов, Э. В. Гирусов, Л. В. Данилова, Е. П. Дятел, В. Д. Есаков) легли доклады и сообщения на секции «Проблемы исторического развития и взаимодействия общества и природы» I научной конференции по проблемам взаимодействия общества и

природы (Москва, 1978). Так как природа представляет собой естественную сферу существования и развития человеческого общества, то названная тема приобрела экологический аспект, что отразилось и в названиях некоторых включенных в книгу статей. И это вполне понятно, ибо в последние десятилетия в связи с определившейся важностью экологических проблем и симптомами их обострения в глобальном масштабе наблюдается процесс своего рода экологизации многих естественных наук, а также проникновения экологического стиля мышления во многие общественные науки, в том числе в этнографию.

Отметим сразу же, что рецензировать эту книгу довольно трудно по двум основным причинам. Первая из них состоит в том, что отраженная в названии книги тема очень широка; книга содержит свыше 30 статей самого разнообразного содержания — от философского до физико-географического и технико-энергетического. Вторая причина в том, что из-за сжатого объема статей их частные темы излагаются довольно компактно; пересказать их содержание в рецензии крайне затруднительно. Поэтому придется уделить внимание главным образом тем статьям, которые носят обобщающий характер, а также непосредственно связанные с этнографической (или, точнее, этноэкологической) тематикой.

Книга состоит из трех разделов. В первом разделе рассматриваются общие закономерности взаимоотношений общества и природы, диалектическое единство и противоположность природного и социального, обусловленность этих связей возникновением и развитием материального производства. В непосредственно предшествующей этому разделу вводной статье «Природное и социальное в историческом процессе» М. П. Ким и Л. В. Данилова справедливо отмечает, что «при раскрытии содержания категории „общественно-экономическая формация“, которая служит для марксистов главным средством исследования исторического процесса, все внимание обычно фиксируется на чисто социальном аспекте... Та же сторона дела, которая связана с природной средой, формой вовлечения ее в общественную сферу, редко избирается в качестве объекта изучения» (с. 14—15). Большого внимания в этой связи заслуживает статья Н. Е. Тихоновой «К. Маркс и Ф. Энгельс о взаимодействии общества и природы», в которой сделана попытка сводного анализа высказываний основоположников исторического материализма по вопросам взаимодействия природы и общества, создающих методологическую основу социальной экологии. Целесообразно особо отметить мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о постепенном отчуждении человека от природы, достигшем наиболее острой формы противопоставления человека природе в эпоху капитализма. Между тем, как писал Ф. Энгельс, в данном отношении свобода человека состоит «не в воображаемой независимости от законов природы..., а в познании этих законов и в основанной на этом знании» способности применять их для достижения собственных целей (с. 33).

Более подробно эти мысли рассматриваются в статье Э. В. Гирусова «Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы», автор которой, отметив, что уже древние люди сталкивались с экологическими затруднениями, пишет: «Отличие прежних проблем от нынешних в том, что решение их было растянуто во времени, что раньше они возникали лишь в отношении отдельных факторов природной среды, а не всей биосферы в целом и от их решения не зависело столь остро, как теперь, само существование общества» (с. 51). Сознательная ориентация деятельности людей на совместимость социальных и природных процессов реализуется только в процессе построения коммунистического общества.

Важным аспектом исследований взаимодействия общества и природы, как отмечают М. П. Ким и Л. В. Данилова, является «раскрытие взаимосвязи социального и природного в сфере культуры, механизмы которой служат специфическим, сугубо человеческим способом адаптации к естественно-географической среде. Весьма актуальной и значимой в теоретическом и конкретно-историческом плане является проблема взаимосвязи этноса как социокультурного феномена и конкретной естественно-географической среды, изменение экологических функций этнических культур с древности до современности. Полезно проанализировать этнокультурные традиции прошлых исторических эпох как способа сохранения экологически значимого опыта» (с. 16—17).

Решению значительной части этой задачи посвящена статья Ю. В. Бромлея «Культура и этнические аспекты экологии», в которой по необходимости кратко даны важные положения, во многом формирующие основу новой пограничной дисциплины — этнической экологии. Основное внимание автор уделяет тем, к сожалению, не принимаемым во внимание в работах по экологии человека фактам, когда различные этносы по-разному адаптируются к сходным природным условиям, по-разному используют ресурсы среды. На ряде примеров, относящихся к народам, которые стоят на различных ступенях хозяйственного развития, — от охотников-собирателей до земледельцев, показывается, что возникшие этнопроизводственные традиции являются очень устойчивыми. Так, у русских переселенцев в Прибайкальскую лесостепь главной отраслью сельского хозяйства остается земледелие, в то время как у местного населения, бурят, ведущее значение до сих пор занимает скотоводство (с. 90). Этническая специфика адаптации к природной сфере обнаруживается в орудиях труда и потреблении средств к жизни, особенно в пище (ее составе, способах приготовления, времени приема и т. д.), а также в жилище, одежде и народной медицине. Особое значение имеет отмеченный Ю. В. Бромлеем факт, что наряду с существованием «экофильных установок» в традиционной культуре различных народов обнаруживаются и «экофобные» тенденции, вызывающие негативные последствия в природной среде (с. 94). Учет всех этих этноэкологических факторов имеет немаловажное значение и в настоящее время при решении проблем взаимоотношений общества и природы.

К статье Ю. В. Бромлея по названию очень близка статья Э. С. Маркаряна «К экологической характеристике развития этнических культур», но в ней дается главный образ — общая характеристика культуры как основного механизма внеэкологической адаптации всего человеческого общества и отдельных народов. К сожалению, некоторые места этой в целом интересной статьи трудны для понимания из-за отсутствия конкретных примеров. Это относится, например, к положению автора о том, что «культура в той или иной степени всегда избыточна. А это, в частности, означает, что в ней обязательно должны присутствовать для данных условий среды адаптивно нейтральные и даже вредные элементы» (с. 98). В дальнейшем оказывается, что, по существу, именно эти оставшиеся неизвестными для читателей негативные в адаптационном отношении элементы образуют своего рода биоэволюционный «резервуар» и даже имеют «огромное адаптивно-эволюционное значение» (с. 107). Встречаются и отдельные досадные неточности, например толкование понятия культурно-хозяйственного типа как «отвлекающегося от локальных связей со средой» (с. 106). Следует сказать также, что значительное место в статье уделено рассмотрению некоторых взглядов Л. Н. Гумилева об «этносфере» и этносах как способах приспособления людей к среде обитания. Э. С. Маркарян считает, что в концепции Л. Н. Гумилева кроме погрешностей есть «интересные обобщения, выводы и наблюдения» (с. 100), однако эта оценка как бы повисает в воздухе, так как автор ограничивается лишь критикой некоторых положений Л. Н. Гумилева (о биологической природе этноса, о противоположении этнического социального и др.), которые и ранее уже не раз подвергались критическому анализу.

Кроме упомянутых в первом разделе книги имеются статьи: М. П. Кима, В. Д. Есакова — «Природа, общество, наука»; И. М. Забелина — «Взаимодействие человека с природой и проблема НТР»; Л. В. Даниловой — «Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития»; В. В. Алексеева — «Энергетика в истории общества, масштабы и характер взаимодействия»; основное содержание этих статей достаточно отражено в их названиях. В этот раздел включена и статья Д. В. Гурьева «Соотношение социального и биологического в истории человечества», в которой излагается представление о происхождении вида *Homo sapiens*. Эта статья не имеет прямого отношения к теме сборника, но тем не менее на ней следует кратко остановиться. По мнению автора, «эволюция телесного строения членов первобытного стада» направлялась главным образом действием социальных факторов, подчинялась действию не столько естественного, сколько **социального** по своей сущности отбора». Способ социального отбора заключался в том, что «сами производственные коллективы (?) сначала стихийно, а потом все более осознанно вынуждены были для осуществления своей нормальной деятельности постепенно освобождаться от индивидов (т. е., попросту говоря, убивать. — Т. Е. и В. К.), не способных к труду и социальному общению по каким-либо телесным или психическим признакам (?)...» (с. 80).

Нарисованная автором схема деятельности первобытных неандертальских евриков, выводящих кроманьонцев (*Homo sapiens*), представляется настолько, мягко говоря, непродуманной, что ее следовало бы оговорить в редакционном примечании.

Несравненно более правильный подход к этой проблеме дан в статье Г. Н. Матюшина «Антропогенез и взаимодействие человека и природы в эпоху первобытности», где появление человека связывается с крупными мутациями (с. 141).

Статьи второго раздела книги посвящены главным образом рассмотрению конкретных исторических примеров взаимодействия общества и природы, в частности влияния природных условий на хозяйственно-культурное развитие, а также истории возникновения антропогенных ландшафтов в разных частях света и других изменений естественно-географической среды. Существенный интерес представляет статья В. Р. Кабо «Первобытное общество и природа», посвященная главным образом характеристике жизнеобеспечения народов, стоявших на начальных стадиях исторического развития. Излагая этот материал, автор солидаризируется с теми исследователями (Ф. Маккарт, М. Маккартур и др.), которые решительно выступают против распространенного мнения о том, что первобытные люди владели полуголодное существование, и приводит примеры австралийцев-аборигенов и бушменов, находящихся в почти экстремальных условиях жизни, но по наблюдениям, затрачивающих на добычу полноценной пищи лишь 2—3 часа в день. Вопрос этот, видимо, нуждается в дополнительной разработке, так как нарисованная картина вольготной жизни австралийцев и бушмен плохо согласуется с их высокой смертностью и малой продолжительностью жизни.

Во многом сходна тематика статьи Г. Н. Алимурзаева «Особенности первобытного производства и его связи с окружающей средой», в которой показаны элементы планомерного ведения хозяйства в первобытном обществе и у этнических групп, близких к нему по уровню своего развития.

В этом разделе выделяются также оригинальная по содержанию статья Я. Д. Серовайского «Формы исторического взаимодействия общества и леса» и особенно статья А. В. Данилова «Экологический кризис в современных развивающихся странах», в которой дана емкая и яркая картина трудностей жизнеобеспечения в развивающихся странах, усугубившихся в результате «демографического взрыва» и ряда других причин; автор рассматривает эти трудности на фоне усложнившейся глобальной экологической ситуации, в связи с чем данная статья заслуживала бы помещения в первом, «методологическом» разделе книги. В статье А. В. Данилова (как, впрочем, и в статье Я. Д. Серовайского) нет прямых выходов в этническую экологию, за исключением его ценного замечания о том, что одной из особенностей процесса урбанизации во многих развивающихся странах и «следствием острой экологической ситуации является, между прочим, укрепление общинной и кастовой солидарности, так как только сплоченная группа име-

ет шансы на выживание, повышение статуса и дохода. В свою очередь это ведет к консервации и сегментации развивающегося общества» (с. 231). Своего рода продолжением и конкретизацией некоторых положений этой статьи является статья М. А. Вылцана «Опыт преобразования и охраны природы в СССР», некоторым недостатком которой является отсутствие в изображаемой картине тех экологических проблем, об обострении которых говорится в материалах XXV и XXVI съездов КПСС.

Другие статьи этого раздела (А. Б. Ковельман — «К вопросу о причинах запустения Фаюма в III—VII вв. н. э.»; Ю. Л. Бесмертный — «Климат и сельское хозяйство во Франции (800—1800 гг.)»; Ю. С. Васильев — «Использование природных богатств и их охрана на Севере России в XVI—XVII вв.»; П. Н. Зырянов — «Роль крестьянской общины в использовании и восстановлении естественных ресурсов (по материалам русской общины 1861—1905 гг.)»; А. А. Александров — «Промышленность Урала и окружающая среда XVIII—XIX вв.») характеризуют локально-исторические особенности взаимодействия общества и природной среды.

В третьем разделе книги, как сказано в предисловии, сгруппированы статьи, посвященные методике исследования экологических проблем, типологизации форм человеческой культуры, а также статьи, освещающие этнические аспекты экологии и формы отражения в общественном сознании исторического процесса взаимодействия общества и природы. Это указание не вполне точно, так как уже первая статья раздела — Б. В. Андрианов «К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы», как ясно и из ее названия, носит не методический, а обобщающий характер. Автор ее критикует теорию географического детерминизма и излагает принципы историко-материалистической оценки влияния природных условий на развитие общества. Значительное место в статье занимает изложение принятой в советской этнографии концепции хозяйственно-культурных типов, характеризующихся как «своеобразные социально-культурные системы, связывающие людей с помощью культуры через хозяйственную деятельность с природными ресурсами» (с. 254); показывается историческая эволюция этих типов.

Трудно уложить в рамки «методики» и очень содержательную статью С. О. Шмидта «Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения», автор которой вполне обоснованно поддерживает идею о расширении понятия «исторического источника» путем включения в него не только результатов или продуктов человеческой деятельности, но и того, «что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии» (с. 265). Таким образом, в число исторических источников включаются историко-географические и историко-биологические (в частности, антропологические) материалы; на ряде примеров автор убедительно показывает необходимость использования данных (а иногда и методик) естественных наук для целей исторического исследования. К этой статье примыкает более конкретная статья С. И. Сотниковой «Об использовании архивных материалов в экологическом прогнозировании», посвященная главным образом возможности использования карт для получения и анализа информации о состоянии и динамике антропогеоценозов в разные временные периоды.

Статья Вяч. Вс. Иванова «Природные символы как элементы знаковых систем культуры» также имеет не только методическое, но и методологическое значение, так как она обращена к рассмотрению отражения этноэкологических проблем в сложных для изучения сферах традиционной духовной культуры. Можно лишь пожалеть, что в этой изобилующей примерами по различным народам, странам и эпохам статье некоторые интересные положения даны почти конспективно. По своему содержанию к ней близки посвященные более конкретным вопросам статьи С. Б. Рождественской «Отражение отношения „человек — природа“ в народном искусстве» и Л. Н. Пушкарева «Представление человека о природе по памятникам русского фольклора XVII в.».

Проблемам сохранения и развития традиционных приемов использования природных ресурсов посвящены статьи М. К. Гегешидзе — «Вопросы рационализации культурно-исторических традиций сельскохозяйственного природопользования» и А. А. Лебедевой — «Собираемость в быту крестьян Сибири (XIX — начало XX в.)». В первой из них характеризуются две традиционные системы — террасное орошаемое земледельческое хозяйство среднегорья и покосное орошаемое скотоводческое хозяйство высокогорья некоторых районов Кавказа; во второй — пашенное хозяйство таежной зоны, сочетающееся с использованием растительных ресурсов тайги, в частности растений, употребляемых в пищу и используемых в народной медицине.

Кроме перечисленных в третий раздел входят статьи В. А. Антипиной и В. Е. Некос «Некоторые вопросы взаимодействия общества и природы и процесс рельефообразования», посвященная анализу динамики овражно-балочной сети на территории Слободской Украины в XVII—XX вв., а также статьи Г. Г. Громова — «Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы» и А. Г. Ганжи и С. В. Русакова — «О возможности моделирования процесса взаимодействия древних человеческих обществ с окружающей средой», показывающие возможность применения математических методов для решения некоторых частных проблем исторического взаимодействия общества и природы. К сожалению, практическое применение таких методов сильно ограничено недостаточностью необходимых для этого данных.

В заключение, оценивая рецензируемую книгу в целом, надлежит отметить еще раз богатство ее содержания, а также важность и актуальность большинства рассматриваемых в ней вопросов, научную новизну и ценность многих выказанных в ней положений. Сделанные нами замечания по отдельным статьям не нарушают этой общей оценки и отражают главным образом тот факт, что немало проблем обширной темы об исторических взаимоотношениях общества и природы находятся еще в процессе их творческой

разработки. Эта весьма важная тема, несомненно, заслуживает отражения в монографическом исследовании, и рецензируемый сборник является важной ступенью к осуществлению такой работы.

Т. В. Егорова, В. И. Козлов

Ю. Д. Левин. *Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века)*. Л.: Наука, 1980, 203 с.

В 1760 г. в столице Шотландии Эдинбурге были анонимно изданы на английском языке «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрзийского языка». Сборник подготовил молодой шотландский учитель Джеймс Макферсон. В нескольких отрывках повествование велось от имени престарелого барда Оссиана, прославлявшего подвиги своего отца короля Фингала. Затем последовал ряд других публикаций, в частности два тома «Творений Оссиана» (1765).

По поводу подлинности поэм Оссиана возникла полемика, растянувшаяся более чем на столетие. В настоящее время вопрос вполне выяснен: Макферсон не был ученым-сбирателем или публикатором; он был поэтом, создававшим свои произведения на основе фольклорных образцов, с которыми обращался совершенно свободно¹. Тем не менее долгое время мистификация Макферсона воспринималась как подлинник. Оссиан стал символом народных певцов в поэзии и науке, провозвестником интенсивного обращения к национальному наследию.

Поэмы Оссиана имели сенсационный успех. Ими зачитывались, их переводили, прославляли. Гердер, Гете, а затем и Байрон и Гюго с восторгом говорили о шотландском барде. Оссиан оказал мощнейшее влияние не только на мировую литературу, но и на общественное сознание. Оссианизм (подобно руссоизму) как движение общественной мысли был одним из основных стимуляторов формирования европейской этнографии и фольклористики, важнейшим из составных элементов общеевропейского романтического движения, связанного с обращением к национальной фольклорной традиции в период формирования этнического самосознания складывавшихся наций. Все фольклорные публикации второй половины XVIII — начала XIX в., начиная с И. Гердера и кончая бр. Гримм, развивались под знаком Оссиана. Это справедливо не только по отношению к немецкой, французской и английской фольклористике и этнографии, но и по отношению к зарождавшейся в те же десятилетия славистике. Имя Оссиана мы встречаем на первых же страницах известной книги К. Г. Антона — первой общеславянской этнографической монографии².

Одним из переводчиков Оссиана на польский язык был поэт-революционер Северин Гоцинский. Том Макферсоновых «Стихотворений Оссиана» в переводе на немецкий язык находим в библиотеке Вука Караджича³.

Существует немало работ о рецепции литературной мистификации Макферсона в различных странах Европы. Оссиан и его воздействие — тема большого историко-культурного значения. Современное решение ее возможно на основе комплексного подхода, понимания культуры как сложной, динамичной, противоречивой и вместе с тем единой системы.

Исследование восприятия Оссиана позволяет поставить ряд важных вопросов, в частности о его значительной роли в истории фольклористики и фольклоризма литературы в России, давно признанной, но далеко еще не изученной.

Как писал М. К. Азадовский, «особенно... ощутимо было воздействие „оссиановых поэм“ в области изучения народной поэзии: здесь они произвели целый переворот и значительно содействовали дальнейшему развитию теоретической мысли в этой сфере»⁴.

Об истории восприятия Оссиана в России в конце XVIII — первой четверти XIX в. и говорит Ю. Д. Левин в рецензируемой монографии, которая, несомненно, привлечет внимание всех, кто интересуется историей русской этнографии и фольклористики. Исследователь показывает, что, сыграв на определенном этапе развития русской культуры весьма активную роль, оссианизм также способствовал становлению русского пре-романтизма и романтизма, сближению русской литературы с фольклором.

Прежним исследователям русского оссианизма, как справедливо замечает Ю. Д. Левин, не доставало широкого контекстуального подхода к проблеме, учета ее многогранности. В рецензируемой книге дан краткий, но весьма содержательный очерк истории вопроса. Жаль только, что в нем не упомянута «История русской фольклористики» М. К. Азадовского, в которой можно найти интересные замечания об Оссиане и его роли в формировании фольклоризма русской литературы, и книга Дж. Коккьяра «История фольклористики в Европе».

Существенным недостатком предшествующих исследований русского оссианизма Ю. Д. Левин считает и то, что они были сосредоточены главным образом на крупнейших представителях русской литературы конца XVIII — начала XIX в. «„Массовый“...

¹ См. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958, с. 117.

² Anton K. G. Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Hainungen und Kenntnisse. T. I—II, Leipzig, 1783.

³ Добрашинович Г. Библиотека Вука Караджича. — ж. Библиотекар, 1973, № 3—4, с. 360.

⁴ Азадовский М. К. Указ. раб., с. 117.